

〈О ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

«САШКА ЖЕГУЛЕВ»〉

ПРЕДИСЛОВИЕ ГОРЬКОГО К РОМАНУ

Публикация А. И. Наумовой

Предисловие Горького к роману Андреева с заголовком «О творчестве Леонида Андреева. „Сашка Жегулев“» было написано в 1925 г. специально для американского издания произведений русских писателей (L. A n d r e e w. S a s h k a G i g o u l e f f. Translated from the russian by Lila Hicks. Edited with an introduction by M. Gorky. New York, Robert M. Mc Bride and Company, 1925, стр. V—VI). Книги эти выпускались в Нью-Йорке с предисловиями Горького (Чехов, Лесков, Сергеев-Ценский).

До сих пор был известен только английский текст этого предисловия (перевод с английского на русский напечатан Е. И. Бобровой в «Звезде», 1938, № 3, стр. 168—171, с послесловием К. Д. Муратовой; перепечатан в кн.: М. Г о р ь к и й. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941). Подлинный текст Горького публикуется нами впервые по автографу, хранящемуся ныне в Архиве Горького.

О романе «Сашка Жегулев» Горький высказывался и раньше в письмах к автору под свежим впечатлением от прочитанного произведения (Переписка, № 161—164).

В беседе с корреспондентом «Московской газеты» М. Дубровским Андреев сказал о своем романе: «В „Сашке Жегулеве“, как в фокусе, сосредоточиваются все наиболее характерные черты времени, но он — не главный герой романа. Главным героем остается народ...— Россия, как синтез... поля... луга... Соответственно с этим роман разбит на две части. В первой части — гимназист Саша Погодин, город, семья. Во второй части — уже Саша Погодин становится Сашкой Жегулевым, лес, весь народ, Россия...» (1911, № 124, 5 октября).

Русская литература богата разнообразием характеров ее творцов, но и среди них Леонид Андреев резко выделяется темой и смыслом своего творчества.

За исключением двух, трех наиболее крупных художников, основную темой, которую литераторы России талантливо и всесторонне разрабатывали, являлась русская действительность: социальная жизнь и бесчисленные противоречия между ею и человеком. Герой русского романа упорно борется за свободу личности, но никогда не одерживает побед. На всех произведениях русских авторов XIX века лежит густая тень социального пессимизма, глубокой печали о судьбе человека, во всех книгах громко звучит «гражданский гнев» против общественной косности, против бездарности внутренней политики царизма и сострадание к безграмотному, несчастному «мужику» — к народу; народ — любимый герой всех авторов.

С этого социального пессимизма, источником которого служит гуманизм, начинается своя удивительную деятельность Федор Достоевский, гуманизм и приведет его сначала в тюрьму и на эшафот, затем — на

каторгу; путь, знакомый многим русским литераторам. Утверждая приоритет личности, Достоевский, в «Записках из подполья», произведении, в котором дана им схема всех идей, руководивших его творчеством, Достоевский восходит — или нисходит — до анархизма, которому, как известно, не чужд и Лев Толстой в его отрицании культуры, ради свободы духа человеческого. Затем Достоевского всю жизнь будет мучительно волновать вопрос об истоках зла, о человеке против бога, о том, чего ради человек предан мукам бытия? Он закончит этот бунт проповедью покорности, смирения, терпения, — обычный конец большинства русских мятежей.

Леонида Андреева, ни по широте и глубине таланта, ни по его влиянию на русскую литературу, невозможно, разумеется, поставить рядом с Достоевским, в талант которого было что-то пророческое, ни со Львом Толстым, величайшим, после Александра Пушкина, мастером. Но Леонид Андреев человек этой же линии идей, его подчинение анархизму двух гениальных* прозаиков России — несомненно, и также несомненно, что он подошел бы ближе к ним, если б** недостаточное развитие его личной духовной культуры не мешало ему развить и углубить его оригинальный талант.

Талант Л. Андреева был, на мой взгляд, велик, но искажен и сдавлен идеями, которые не сам Андреев создал, а — заимствовал. Еще в юности он прочитал Шопенгауэра «Мир как воля и представление»¹ и Гартмана «Философия бессознательного» в изложении профессора Козлова². Эти книги подавили его. Подруга юности*** Андреева говорит в своих воспоминаниях о нем:

«Он замучил нас. Ты, говорит, думаешь, что вселенная существует, а ведь это только твое представление, да и сама-то ты, может, не существуешь, потому что ты — тоже только мое представление»³.

Поспешность, с которой юноша уверовал в учение двух пессимистов, отразилось на всем его творчестве, и оно, в существе своем, является серией картин, иллюстрирующих философию отчаяния и безнадежности.

В стране философов философия, как мы видим, не влияет на жизнь, по русской пословице — «сапожник ходит без сапог». Ни Гартман, ни Шопенгауэр при всей силе их логики не помешали Германии организовать мощное хозяйство и милитаристическое государство, но когда верует русский — вера опьяняет его. Л. Андреев был опьянен индо-германской философией.

Затем он взял за образец себе язык русского перевода Библии и, опираясь на этот плавный, несколько тяжелый язык, создал свою, ритмическую фразу, сильно гипнотизирующую читателя и очень удобную для того, чтоб рисовать картины темными красками.

Русская действительность — не то лекарство, которое могло бы излечить человека от пессимизма, или, хотя бы, смягчить ту боль, которую вызывает у человека мыслящего и чувствующего зрелище русского быта. К этому следует добавить, однако, что действительность почти не интересовала Андреева, он мало знал ее и видел «сквозь темные очки», как принято говорить. А это как раз те очки, которые бесполезно надевать на нос ночью и в которых ни Россия, ни вообще жизнь совершенно не нуждается. Человечество нуждается в оптимистическом инструменте, который, несколько увеличивая красивое и доброе, притемнял бы уродливое и злое.

Затем: русская жизнь не дает замысловатого сюжета для романа и рассказа; в ней все ужасно просто. Слово «ужасно» следует подчеркнуть.

* Первоначально: величайших

** Далее зачеркнуто: ему не мешало

*** Первоначально: детства

Необходим злой и зоркий глаз Достоевского или мизантропический взгляд Толстого для того, чтоб за кажущейся простотою будничных фактов разглядеть и почувствовать их ужас, их действительно безумную фантастику. В России так же часто убивают людей из мести и «в состоянии запальчивости и раздражения», как из побуждений глубоко идейных, — убивают одних для того, чтоб облегчить жизнь другим. Раскольников Достоевского — чрезвычайно типичный русский человек.

Л. Андреев начал свою деятельность «бытовыми» рассказами, но быстро обратился к замысловатым изображениям мятежей внутри человека. К этому его влекла не только* усвоенная им философия, но толкало и желание найти необычный сюжет для рассказа, — влечение к необычному объясняется еще и тем, что в юности он много читал Фенимора Купера, Майн-Рида, Густава Эмара, любил Эдгара Поэ. Но, как сказано, в русской действительности** он не прозревал той затейливой игры чувств и мыслей, которая так изумительно вскрыта величайшими художниками России.

Он стал внедрять в души русских людей философию немецких пессимистов. Лично мне кажется, что изображенные им русские люди от этой прививки значительно проиграли в своей жизненности, иногда автор*** даже совершенно лишал их облика живых людей, и они у него принимали вид манекенов, одетых в черные мантии космического пессимизма. До Л. Андреева русская литература, являясь чрезвычайно точным зеркалом действительности, не отмечала среди своих героев людей, которые страдали бы этой философской болезнью.

Именно вот этот космический пессимизм является тем**** новым, что Л. Андреев внес от себя в обиход русской литературы и чем, на время, даже отодвинул в сторону пессимизм социальный.

Различие между этими двумя формами жизнеощущения очень ясно и весьма значительно: если вам кажется бессмысленной земная, социальная жизнь, — у вас есть право попытаться внести в нее тот или иной любезный вам смысл. К сожалению, все ваши попытки***** осмыслить, исправить***** бессмысленное «величие» вселенной будут не только безуспешны, но даже лишены смысла. Необходимо признать, что у нас нет сил для того, чтоб изменить движение созвездий, зажечь в нашем небе еще одно солнце или делать хорошую погоду, когда нам этого хочется.

Поэтому лично мне космический пессимизм кажется такой же излишней роскошью, как чугунная шляпа весом в шестнадцать килограммов. Я — сторонник ношения шляп более легкого веса, — необходимо только, чтоб формы их менялись возможно чаще. Об этом изменении весьма усердно заботится история, которую мы, — худо ли, хорошо ли, — но неустанно творим. Я склонен думать, что в конечном счете мы творим историю все-таки хорошо, и, в общем, это, все-таки, не очень скверная история, несмотря на наши бесчисленные проклятые преступления друг против друга.

Наш мир, наше хозяйство, наш дом — Земля; все другие планеты и системы миров пока еще вне нашего влияния. Но на Земле мы могли бы устроиться очень удобно, весело и празднично, если б научились более внимательно относиться друг ко другу и поняли, что самое удивительное, самое величественное в мире — Человек.

* Далее зачеркнуто: искание интереса

** Далее зачеркнуто: той затейливой

*** Первоначально: он

**** Далее зачеркнуто: что

***** Далее зачеркнуто: не только

***** Далее зачеркнуто: по даже уразуметь

Между прочим, сказанное выше излагает линию моего личного спора с Л. Андреевым, спора, который разрушил нашу десятилетнюю дружбу. Меня всегда раздражал пессимизм Андреева, его — то, что он считал моим оптимизмом и что сам я называю историзмом. Кроме того, я не очень высоко ценю разум Провидения и даже сомневаюсь — существует ли оно? А если существует — не безумно ли более... чем я?

Отношение Л. Андреева к Провидению было неприемлемо для меня. Еще в юности он произвел такой опыт проверки разума Провидения:

«Однажды, — рассказывает он, — я был в компании молодежи. Было весело, шумно, интересно. Спорили, пели. Я шел сзади всех и спрашивал себя: с какой целью те — спорят, с какой целью эти — поют? Для чего мои товарищи веселятся и живут? И вдруг, на виду у поезда во мне обострилась мысль о самоубийстве, и я лег между рельс, задавшись вопросом: если я останусь жив — значит есть смысл в моей жизни, если же поезд раздавит меня — стало быть в этом воля Провидения»⁴.

Мне кажется, что опыт такого рода* не может ответить на вопрос: «зачем люди живут?». Он говорит лишь о том, что поддувало топки паровоза было достаточно высоко. Сам Л. Андреев впоследствии изображал жизнь людей как процесс, страшный отсутствием в нем смысла, и видел человека существом, которое занято главным образом раздумьями о своем ничтожестве пред лицом Космоса.

Разумеется, все это отнюдь не умаляет литературного значения произведений Л. Андреева, и в истории русской литературы за ним навсегда останется место одного из оригинальнейших художников. К его теме — ничтожеству человека во вселенной и его борьбе с «бессознательным» — русская литература** еще вернется, и, мне кажется, ждать этого недолго.

Предлагаемая книга — единственный роман, написанный Андреевым. В основе романа — действительные приключения одного из полубандитов, полуревольюционеров, вызванных к жизни бурей <1>905—7-го годов⁵. Революция тех лет настроила*** романтически и героически сотни юношей, но революция была уже подавлена, а возбужденное ею в юных сердцах стремление к борьбе, к героическому подвигу осталось у многих неудовлетворенным, и случаи, когда искренний героизм вырождался в авантюризм и бандитизм, были очень часты. Один из таких бандитов Сашка Семинарист, человек, видимо, большой силы воли и обладавший несомненным талантом организатора, создав небольшую группу крестьян, держал на протяжении нескольких месяцев одну из губерний России в страхе и трепете.

Действуя по примеру Ринальдо Ринальдини⁶ и других легендарных разбойников, защищая слабых и обиженных, карая обидчиков, он, действительно, восстановил в памяти сказочный тип «злодея ради торжества справедливости», создал себе среди крестьян славу защитника их и, после долгой борьбы с отрядом солдат, был убит именно при тех обстоятельствах, как это описано Леонидом Андреевым.

Роман написан с пафосом, быть может, несколько излишним, он перегружен «психологией», но совершенно точно воспроизводит фигуру одного из тех русских мечтателей, которые веруют, что зло жизни возможно победить тою же силой зла.

В известной степени обилием таких людей, искренно верующих, искренно стремящихся по пути зла к добру, вызвана проповедь Льва Толстого о «непротивлении злу насилием». Федор Достоевский тоже посвятил людям этого типа много своих дум, дум человека, который

* Первоначально: можно делать только от избытка ребяческой дерзости. Не могут

** Далее зачеркнуто: наверно

*** Первоначально: создала

*В. А. Серов
1907*

АНДРЕЕВ

Литография В. А. Серова, 1907 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

изумительно глубоко чувствовал силу зла. И тоже, начав бунтом, кончил проповедью смирения и терпения*.

Так, по слову Екклезиаста, «все возвращается на круги своя»⁷, но круги эти идут спиралью, вверх.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О влиянии Шопенгауэра на Андреева — см. Переписка, № 107 и прим. 5 к нему.

² Карл Роберт Эдуард *Гартман* (1842—1906) — немецкий философ, последователь Шопенгауэра, противник диалектики Гегеля. Ленин писал, что Гартман «последовательный идеалист и последовательный реакционер в философии» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 61). Основные произведения Гартмана: «О диалектическом методе» (1868), «Мировоззрение новейшей физики» (1902) и др.

Горький имеет в виду книгу: Эдуард Гартман. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. Перевод 2-го немецкого издания, полное изложение с предисловием, введением и критической оценкой системы А. А. Козлова, вып. I—II. М., 1873—1875.

³ Горький неточно цитирует слова родственницы Андреева З. Н. Пацковской (Фатов, стр. 65).

⁴ Там же, стр. 66—67. Горький цитирует частично эти слова и в воспоминаниях об Андрееве (см. стр. 366 настоящего тома). Они целиком приведены в книге В. В. Брусянина «Леонид Андреев». М., 1912, стр. 53—54.

⁵ Речь идет о действительном историческом лице — Александре Ивановиче Савицком (1886—1909) — сыне акцизного контролера в Новозыбкове. Исключенный из реального училища (1905), он сначала был связан с всерами, но вскоре разошелся с ними и стал действовать самостоятельно; наибольшую активность проявил в 1908 г.: с небольшой группой крестьян совершал нападения на лесные экономии и имения в Могилевской губ. В начале мая 1909 г. местопребывание Савицкого было выдано крестьянином деревни Прудок. В приказе могилевского вице-губернатора имеется полное описание того, как «шайка» была «окружена» призванной на помощь воинской частью; Савицкий боролся до последнего патрона и, обезоруженный, погиб от вражеских пуль («Могилевские губернские ведомости», 1909, № 39, 9 мая). Экспроприаторская деятельность Савицкого ничего общего с подлинной революционностью не имела.

А. А. Сигов в статье «Похождения революционного экспроприатора Савицкого» («Исторический вестник», 1911, № 11) подробно описал гибель последнего. Андреева заинтересовали сообщения газет о том, что среди личных вещей убитого Савицкого был найден «Рассказ о семи повешенных».

⁶ Разбойничий атаман Ринальдо Ринальдони — популярный в свое время герой одноименного романа XVIII в. Христиана Августа Вульпиуса. В России роман выходил серией выпусков в Москве в 1802 г.

⁷ Горький по памяти цитирует строки из книги Екклезиаста: «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» (гл. 1).

* Первоначально: кончил проповедь свою призывом к смирению и терпению.